

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБРАЗ ПЕРСИДСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

А.Ю. Ларионова

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Россия, Москва, 117198

Статья посвящена исследованию представлений наших соотечественников о персидских женщинах. Эти взгляды нашли отражение в русской литературе путешествий, газетно-журнальных публикациях и художественных произведениях XIX и первой половины XX в. Автор также выявляет факторы формирования этих представлений на протяжении рассматриваемого периода.

Ключевые слова: исламский мир, образ Ирана, женщины Персии, литература путешествий.

Развитие историко-антропологического подхода, в рамках которого большое внимание уделяется изучению публицистики и мемуарных источников различных социальных групп, а также использование новейших методик исследовательского анализа (таких, например, как контент-анализ) позволяют глубже понять так называемую «ментальность» людей – латентную и спонтанно обнаруживающуюся «картину мира», которая закладывается в сознание социокультурной традицией и видоизменяется в процессе социокультурной практики. Понятие «картины мира» включает в себя всю систему представлений о мире и человеке в нем; «картина мира» формирует мотивацию людей, которая в свою очередь определяет социальную практику. Поэтому, чтобы понять, как функционирует общество, какие принципы и механизмы лежат в его основе, как осуществляется взаимодействие между собой внутри общества отдельных людей, социальных групп, политических институтов (которые тоже не существуют сами по себе – ими управляют, в них действуют реальные люди), необходимо изучать те образы, социальные

ориентиры и стереотипы восприятия, из которых эта «картина мира» состоит. И немаловажной частью «картины мира» человека являются представления об идеале женщины, о ее роли в обществе и семье.

В то же время представления о других народах являются неотъемлемой частью национальной самоидентификации. А значит, изучение представлений наших соотечественников о персидских женщинах дает возможность выявить то общее и различное, что есть в культуре и системе ценностей русского и иранского народов, и раскрыть отдельные характерные черты национального самосознания и ментальности россиян.

Данное исследование основано на отечественных публицистических источниках XIX и первой половины XX в., и в первую очередь на сочинениях, принадлежащих к жанру литературы путешествий. Помимо непосредственно литературы путешествий в исследовании используются такие источники, как газетно-журнальные публикации и художественные произведения, которые позволяют судить об общественных настроениях, господствовавших в XIX и первой половине XX в., и оценить, какой отклик находили рассматриваемые сочинения.

На протяжении полутора веков Персию посещали по долгу службы или по зову сердца русские военные, дипломаты, ученые и художники, писатели и поэты, журналисты и врачи. Многие из них поделились с нами своими впечатлениями об этой стране, опубликовав мемуары, путевые заметки и очерки. И, конечно, в своих сочинениях они не могли не коснуться вопроса о положении женщин в Персии, жизнь которых столь отлична от жизни женщин русских и европейских.

В начале XIX столетия представления о Персии в России были в большой степени мифологизированы и неотделимы от представлений об экзотическом, авантюрном Востоке; из-за нехватки подробной и достоверной информации об этой стране она виделась краем роскоши и неги.

Персиянки манили, как всегда манит нечто загадочное и таинственное: чадра, гаремная жизнь за плотно закрытыми дверями, – все это возбуждало воображение русских путешественников. Гарем и его обитательницы ассоциировались с запретными наслаждениями, которые каждый представлял по-своему.

Вместе с тем во второй четверти XIX в. в России претерпевают изменения представления о женской красоте. Образ женщины, наделенной идеальным чувством, поэтичностью натуры, нежностью и душевной тонкостью, потеснил другой образ – образ женщины «не с хладной красотой, / Но с пламенной, пленительной, живой» (1). Все чаще русские поэты и писатели воспевают восточных красавиц. Подтверждение этому можно найти и на страницах литературы путешествий этого периода.

Вот, например, как выразил свое восхищение персиянками атташе русской миссии, князь А.Д. Салтыков: «Что может сравниться с разительной красотой иранских женщин? – ловкий и тонкий стан, густые волосы, черно-огненные глаза, уста, горящие страстью, смуглый цвет тела...» (2).

Н.Ф. Масальский, поручик гвардейской артиллерии, автор двухтомного сочинения «Письма русского из Персии», тоже отмечал красоту персиянок: «Из молодых женщин я не видел ни одной дурной – и видел множество красавиц» (3). Однако в его описании мы можем увидеть и то, как сталкиваются поэтический образ и реальная действительность: «лица [персидских женщин] большею частью круглы, полны и белы; они всегда оживлены блестящими глазами, которые осеняются длинными ресницами; черные брови, изгибаясь высокою дугою, сходятся меж глаз; на маленьких розовых губках всегда мелькает плутовская улыбка, открывая иногда ряды прекрасных зубов; я говорю, иногда, потому что у большей части персиянок зубы черны, во-первых, от сластей, до которых они большие охотницы, а во-вторых, от несчастного обыкновения употреблять белила и румяна» (4) в погоне за сиюминутной красотой.

Источники свидетельствуют, что представления о женщинах Персии были неотделимы от представлений о семье, которые в свою очередь тесно связаны с представлениями о религии, ведь христианская мораль осуждает многоженство.

Барон Ф. Корф, писатель и дворянин, отмечал, что Мухаммед, стремясь распространить свое учение и привлечь как можно больше народов под знамена ислама, во многом потворствовал страстям этих народов. И ярчайшее свидетельство этого – существование закона, позволяющего мусульманину иметь четыре законные жены, которые должны провести с ними всю жизнь (развод считается непристойным и требует больших трат) и сколько угодно наложниц, которых можно купить. В женщинах гарема не найти непорочности, стыдливости и кротости; нравы персов развращены – тем более что разврат освящен религией: можно даже заключить брак на месяц, день и даже на час (сиге) (5). В то же время Ф. Корф признавался, что этим законом пользуются в основном только богатые люди (ханы, князья), у которых есть возможность содержать гарем (6).

Н.Ф. Масальский писал, что хотя мусульмане должны заботиться о своих женах, содержать их, все же Коран ставит женщин ниже мужчин. Гарем – святилище для персов и тюрьма для персиянок. И обительницы гарема нашли способ бороться за свои права – отражение этой борьбы можно увидеть в произведении «Кулсун-нене, или Как персидские женщины толкуют Коран».

Упоминания об этой удивительной и неоднозначной по своему содержанию рукописи, найденной российским консулом в Гиляне, востоковедом Александром Ходзько, можно найти у И.Ф. Бларамберга (7) и Н.Ф. Масальского (8). Здесь необходимо сказать о том, что все российские граждане в Персии держались друг друга, российская дипломатическая миссия, состоявшая обычно из нескольких человек, радушно принимала всех путешественников, происходил обмен информацией, устраивались читательские вечера, помогавшие скрасить одиночество и пребывание на чужбине. На од-

ном из таких вечеров Ходзько и познакомил товарищей с так называемым «женским Кораном» – своеобразным сводом законов, переплетением старых обычаев и предрассудков с мусульманским вероучением.

Эти законы укоренились в гареме и позволяли женщинам, как пишут путешественники, сохранить свободу действий наперекор фикху (9) и супругу. Свод содержит всего 16 глав, в которых описывается, когда женщина может отказаться от обрядовых омовений (например, если она только что нарумянилась) или от намаза (10) (в день помолвки или когда играет музыка), как и когда она должна поститься. Описываются церемония и правила обручения, даются советы, как найти мужа и как вести себя в брачную ночь; ведется разговор о бане и о музыке, о поварском искусстве и о средствах от дурного глаза; разъясняется, с какими мужчинами женщинам не запрещено общаться, и т.д. Естественно, «женский Коран» не признавался духовенством и мужьями.

В целом авторы заключали, что положение персидской женщины было незавидным, а порой даже жалким. Высокая цена, которую жених платит за невесту, в сущности, не так уж высока, потому что он приобретает себе работницу или рабыню и игрушку.

Чиновник посольской канцелярии В. Бороздна так описывал персидский гарем: «Гарем есть отдельное жилище, определенное сластолюбивым владельцем замка для жен его и наложниц, жертв предрассудка, заблуждения и ревности» (11).

Однако влияние Европы, как отмечал Н.Ф. Масальский, значительно облегчило быт персидских женщин. Жизнь гарема уже не тайна за семью печатями. Персиянки, когда рядом нет персов или евнухов, охраняющих их от чужих взглядов, редко закрываются перед европейцами, проявляя к ним немалое любопытство. Наибольшей свободой пользуются женщины низших сословий.

В литературе путешествий второй половины XIX в. уже не встретишь восторженных од персидским красавицам. Е. Белозерский, который отправился в Персию с тем, чтобы ознакомиться с ее социально-политическим строем и написать об этом серию статей для петербургской газеты, отвечая на вопрос о красоте персиянок, привел их описание «в общих чертах» и предложил каждому самостоятельно составить свое мнение. «[Персиянка] Обыкновенно невысокого роста, с очень круглой небольшой головой, с широким лунообразным лицом, – это идеал персидской красоты, – с черными бровями, с красивыми черными глазами, с небольшим носом и ртом, едва заметным подбородком и неинтеллигентным выражением лица», – писал Белозерский и тут же добавлял: «Персидская женщина лишена всякого воспитания, чаще всего даже вовсе безграмотна; редкие из них выучиваются кое-чему, посещая школу только до семилетнего возраста. Поэтому заранее можно думать о грубости ее в обращении и в разговорах с другими» (12).

Подобное описание характерно. Именно необразованность персидских женщин, их совершенную оторванность от всякой жизни, кроме гаремной, ставили авторы этого периода во главе угла. И это не удивительно, ведь вторая половина XIX в. – время, когда происходят значительные изменения в положении женщин в России. В канун реформ началось широкое движение за предоставление женщинам права получения среднего и высшего образования, в конце 1850-х гг. появились бессловные женские гимназии, а на рубеже 1860–1870-х гг. открылись Высшие женские курсы, которые сыграли заметную роль в общественно-культурной жизни страны. В общественном сознании появляется образ женщины – соратницы и единомышленницы, способной оценить идеалы и устремления мужчины. Воплощение этого образа можно найти, например, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», вышедшего в свет в 1863 г.

Все это заставляет авторов литературы путешествий по-новому взглянуть на персиянок, происходит переоценка прежних представлений.

Путешественники и раньше указывали на незавидное положение женщин в Персии, но теперь они говорят об этом значительно жестче и категоричнее. Например, у П. Огородникова, поручика, бывшего члена Комитета русских офицеров в Польше, совершившего путешествие в Персию вместе с экспедицией Русского географического общества, читаем: «Здесь... смотрят на жен, будь то «агды» (постоянная) или «сига» (временная), как на вещь, и при том с исключительным назначением самки» (13).

Как Е. Белозерский, так и П. Огородников подчеркивали, что брак рассматривался как сделка, и подробно описывали процесс ее заключения, отмечая, что «плодовитость считается у нынешних персов за благословение Божие» (14), а потому не жениться для них – грех.

При заключении брака из-за невозможности видеть невесту прибегают к услугам свах, которые ходят из дома в дом и знают всевозможные подробности о невесте, ее характере, состоянии родителей и т.д. Наводят справки и родственники жениха, и, в конце концов, получается довольно обстоятельный портрет. Настает время сватовства и выставления условий. Родные жениха и невесты собираются в доме невесты, и в присутствии муллы заключается контракт. В Персии приданое и свадебные расходы платит жених, а не невеста. Он должен заплатить отцу невесты так называемое «ширбаха» (плата за воспитание девушки), кроме того, жених должен приготовить калым – род залога, обеспечения невесты в будущем: если муж захочет развестись со своей женой, то он обязан выплатить ей калым. Если же жена сама решит уйти из дома, то она теряет право на получение калыма. Традиционно калым состоит в том, что на имя невесты записываются некоторые драгоценности, мебель и другое имущество. Похожим образом заключается и временный брак сиге.

Развенчивается в литературе путешествий этого периода и миф о гаремной жизни, полной неги и наслаждений. Авторы отмечали, что у супругов в

Персии нет духовной близости, общих интересов. Мужчины стремятся проводить как можно больше времени вне семьи, стараясь как-то себя развлечь. Так, например, С. Черняев писал в своей статье, что «очень немногие из персиян питают нежную привязанность к своим женам и детям и находят удовольствие в семейной жизни... Смешны те, которые завидуют гаремной жизни мусульманина; они не имеют понятия о скуке, наполняющей быт последователей религии многоженства» (15). Однако он добавлял, что «персияне-труженики» счастливее и искреннее в своей семейной жизни и «гораздо ближе к нравственному достоинству человеческой природы, как ее понимают европейцы» (16), нежели персы, обладающие властью и богатством.

Положение женщины в Персии, ее роль в социальной, политической и общественной жизни страны продолжало волновать русских путешественников и исследователей и в последующие десятилетия. Авторы XX в., как и их предшественники, также писали о необразованности и полной зависимости от мужа персидских женщин, их однообразной, пустой жизни за стенами гарема (особенно это касается авторов 1900–1910-х гг.), однако все большее внимание уделялось положению персидских крестьянок и тружениц, о которых раньше упоминали лишь вскользь. И это, конечно, не случайно.

В начале XX в. в России социальный статус женщины, ее роль в обществе начинают постепенно претерпевать изменения. Во время Первой мировой войны женщины были вынуждены взять на себя часть мужских функций в силу того, что большая часть мужского населения находилась на фронте, а в 1920-е гг. экономической необходимостью женского участия в производстве было вызвано уравнивание ее в правах с мужчинами, «раскрепощение». Государству был нужен новый тип женщины – целеустремленной, свободной и независимой женщины-работницы, своим трудом способной прокормить семью (17). Соответственно, смещаются акценты и в восприятии жизни женщины за рубежом.

Авторы статьи «Пробуждение трудящейся женщины Востока» с негодованием отмечают, что «Персия смело может занять первое место по эксплуатации женского населения», «женщина Персии совершенно бесправна как в политической, так и в семейной жизни» (18). Горожанки подвергаются изоляции и вынуждены прятаться под чадрой. Крестьянки же изнемогают под тяжестью 12-часовой работы в день на рисовых, чайных, табачных и других плантациях, не имея возможности уйти в город на более выгодную работу, так как в Персии нет крупной индустрии. «Единственный исход для пролетаризированной крестьянки – это – или проституция, процветающая в Тегеране, или работа в качестве прислуги» (19).

О несчастной судьбе персидских женщин, не защищенных законом и вынужденных погибать на улице или становиться «джелябами» (гулящими женщинами), если муж прогонит их, писал в своем рассказе «Перекресток» З. Хацревин (20).

Картину тяжелого труда женщин на ковровых мануфактурах рисуют перед нами в своих произведениях В.М. Инбер и А. Ланов. «Положение ткачихи, – писал А. Ланов, – ужасно вследствие полнейшего бесправия персидской женщины... крестьянин, сам ничем не занимающийся, обычно заключает с предпринимателем контракт на выделку ковров и выполняет заказы, эксплуатируя своих жен. Несчастные женщины, обязанные по персидским законам беспрекословно подчиняться во всем мужу, трудятся за один лишь кусок хлеба с раннего утра и до поздней ночи вместе со всеми своими детьми» (21).

Вера Михайловна Инбер писала, что и в самом Иране начали приходиться к пониманию необходимости перемен в положении женщины: «Реза-шах пытался было “раскрепостить” иранскую женщину, насильно сняв с нее чадру. Женщину в покрывале не пускали ни в какое публичное место. На улице любой прохожий имел право сорвать с женщины чадру – это даже поощрялось» (22). Но затея, встретив сопротивление, была оставлена. Женщины по-прежнему оставались в полной моральной и экономической зависимости от родителей, а потом от мужа, были неграмотны, фанатично-религиозны, изолированы от жизни.

Однако терпение персидской женщины не безгранично, «под могущественным идейным влиянием русской революции проявляются проблески женского движения». Это движение «захватывает пока очень тесный круг персиянок, получивших европейское образование и неспособных больше мириться с тем положением, в которое их ставят законы Ислама» (23). И одно из свидетельств «пробуждения» персидской женщины – появление в Тегеране в 1920-х гг. женских журналов, редактировавшихся женской интеллигенцией Тегерана, – таких как «Мир женщины», а после его закрытия как противоречившего законам Корана, – «Лисан-е занан» («Голос женщины») (24).

Описывая собрание женского клуба народной партии во внутреннем дворике одного из домов в Тегеране, на котором ей довелось побывать в 1948 г., В.М. Инбер писала, что даже не ожидала, что ее встретят с такой теплотой. Работницы, служащие, домохозяйки, урвавшие часок, чтобы тайком от мужа прийти на собрание, учительницы, женщины-врачи, общественницы, – все хотели услышать о жизни женщины в Советском Союзе (25). Ее засыпали вопросами. Иранок интересовало, в каких областях техники, науки, искусства, сельского хозяйства проявили себя советские женщины; необходимо ли им делать выбор между «домашней» и общественной жизнью; каково отношение советских женщин к религии и т.д.

«Самое характерное сейчас для многих иранских женщин – это чувство политического пробуждения», – сделала вывод Вера Михайловна. – «Каждая снятая чадра, каждая усвоенная азбука, прочитанная книга, каждая девушка, сумевшая избежать насильственного брака, род занятий, выбранный по влечению, – все это воспринимается многими как общая победа. Для этих

женщин маяком, светочем, желанным солнцем вдали светит Советский Союз, с его широчайшими путями в жизнь, открытыми для всех, независимо от пола» (26).

Рассматривая представления о положении женщины в Персии, необходимо отметить, что, как видно из приведенных примеров, корень многих проблем путешественники, ученые, писатели и публицисты видели в исламе, законы которого ограничивали женщину, лишая многих прав. И если авторы XIX – начала XX в. противопоставляли исламу православие, то советские писатели указывали на преимущества марксистско-ленинской идеологии и советского общественного строя.

На основе изученных источников можно сделать вывод, что на протяжении полутора веков образ персидской женщины в сознании россиян претерпел значительные изменения. Черноокая обитательница гарема, героиня сказок «Тысяча и одной ночи» превратилась постепенно в труженицу, находящуюся в полной моральной и экономической зависимости от мужа и ограниченную в своих правах нормами закона и религии, нуждающуюся в помощи и поддержке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 2002. – С. 66.
- (2) *Салтыков А.Д.* Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова. – М., 1849. – С. 28.
- (3) *Масальский Н.Ф.* Письма русского из Персии. – СПб., 1844. – Ч. 2. – С. 39.
- (4) Там же. – С. 53.
- (5) Сиге – временный брак у шиитов Ирана.
- (6) *Корф Ф.* Воспоминания о путешествии в Персию // Современник. – 1852, декабрь. – Т. 36. – Отд. VI. – С. 186–189.
- (7) *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания / Пер. с нем. – М., 1979. – С. 165.
- (8) *Масальский Н.Ф.* Письма... – С. 73.
- (9) *Фикх* – мусульманское правоведение.
- (10) *Намаз* – в исламе обязательная ежедневная пятикратная молитва, один из пяти столпов ислама.
- (11) *Бороздна В.* Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. – СПб., 1821. – С. 114.
- (12) *Белозерский Е.* Письма из Персии. От Баку до Испагани. – СПб., 1886. – С. 61.
- (13) *Огородников П.* Очерки Персии. – СПб., 1878. – С. 299.
- (14) Там же. – С. 303.
- (15) *Черняев С.* День персиянина. Очерк частной жизни в Персии // Современник. – 1857, июнь. – Т. LXII. – Отд. II. – С. 114.
- (16) Там же. – С. 118.
- (17) *Меряшкина М.* Изменение социальной роли женщины в 20-е годы XX века в зеркале модных тенденций // Опыты историко-антропологических исследований. – М., 2006. – С. 187–188.

- (18) *Каспарова В., Ралли Е.* Пробуждение трудящейся женщины Востока // *Новый Восток*. – М., 1922. – Кн. 2. – С. 415.
- (19) Там же. – С. 416.
- (20) *Хацревин З.* Тегеран. Рассказы. – Л., 1933. – С. 72–78.
- (21) *Ланов А.* По персидским дорогам. – М., 1934. – С. 40.
- (22) *Инбер В.М.* Три недели в Иране // *Избранное*. – М., 1950. – С. 592.
- (23) *Каспарова В., Ралли Е.* Пробуждение трудящейся женщины Востока... – С. 417.
- (24) Там же. – С. 419.
- (25) *Инбер В.М.* Три недели в Иране... – С. 493.
- (26) Там же.

IMAGE OF PERSIAN WOMAN IN RUSSIA AND THE USSR IN 1800–1950s REFLECTED IN SOCIAL AND POLITICAL ESSAYS

A. Larionova

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10a, Russia, Moscow, 117198

The article studies the image of Persian woman reflected in Russian travel notes and social and political essays printed in Russia and the USSR in 1800–1950s, and the factors that influenced on formation of this image.

Key words: Islamic world, Persian women, image of Iran, travel notes.